

9 января 1983 г.

Ашот АРЗУМАНЯН

Встреча с Арагоном

ЛУИ АРАГОН. Это имя известно всему миру. В годы немецко-фашистской оккупации Франции он стал одним из организаторов и боевых певцов французского движения Сопротивления. Испив горечь поражения, писатель призвал соотечественников к борьбе. В своем сборнике стихов «Снова нож в сердце», вышедшем в 1948 году, он гневно протестует против прогнившего империализма США в Европу. Цикл «Реальный мир» Арагон завершает романом «Коммунисты». Это произведение писателя-борца Андре Стиль назвал «значительным и длительным фактом в жизни нашего народа, важнейшим действием нашей партии». Жизнь и борьба французского рабочего класса и всего французского народа за мир, свободу, демократию и независимость нашли в романе Арагона прекрасное художественное воплощение. Это правдивое и вдохновенное произведение дорого французскому народу, борющемуся за свои благородные идеалы. О чем бы ни писал Луи Арагон, в его романах, поэмах, повестях красной нитью проходит тема все возрастающей силы рабочего класса Франции.

Переведенные на русский язык «Красный фронт», «Коммунисты» и другие сочинения писателя хорошо знакомы советскому читателю и любимы им. Друг Советского Союза Луи Арагон был членом Всемирного Совета Мира, лауреатом международной Ленинской премии, почетным доктором наук Московского университета.

Спустя двадцать семь лет после нашего знакомства я вновь встретил Луи Арагона. На встрече предложили тост за него и Арагон сказал:

— Я с удовольствием выпью за свое здоровье русской водки. Как видите, закусываю медленно, но пью быстро и в свои почти восемьдесят пять лет не отказываюсь от напитков. — В глазах его замелькали веселые искорки.

Мы говорили о расширении культурного обмена, о взаимном переводе литературы.

— Без лишней скромности могу сказать, что для издания классической и современной советской литературы на французском языке я сделал немало, — заметил Арагон, — и смею считать себя зачинателем этого дела во Франции.

Я спросил у него:

— Вы знакомы с антологией армянской поэзии, переведенной большой группой поэтов на французский язык?

— Конечно. У меня это издание есть. Книгу подарил мне человек неумной энергии, наш поэт и ваш земляк Рубен Мелик. Благодаря его усилиям удалось осуществить это издание и донести до французского читателя мудрую, самобытную армянскую поэзию. Читая Туманяна, Исаакяна, Чаренца, я даже в переводе почувствовал глубину и своеобразие армянских классиков.

Я напомнил Луи Арагону о нашей давней встрече на съезде Союза писателей СССР в 1954 году и протянул фотографию. Он с интересом разглядывал ее, а затем задумчиво сказал:

— Двадцать семь лет... Это много или мало, дорогой Ашот? Иногда это целая жизнь. Рассматривая фотографию, я не заметил у тебя ни одного седого волоса, а сейчас не найдешь черного. А от моей густой шевелюры, как видишь, остались одни воспоминания. Из этого ясно, что нам надо запечатлеть себя еще раз, здесь, в Париже, и сохранить на память фотографии. И если нам доведется встретиться так же нескоро, посмотрим тогда, что от нас останется. — Французский юмор искрился даже в этой, не веселой для нас шутке.

Луи Арагон предложил тост за страну, которую очень любит:

— Я провозглашаю гостя за страну, которая в 1917 году выстрелами с крейсера «Аврора» оповестила о рождении нового, социалистического общества, осветив сознание людей. Великая общественная сила — сознание — действительна тогда, когда перед нею поставлена цель бороться с общественной несправедливостью, когда она собирает людей в единый монолит, когда моральный кри-

24 декабря в Париже перестало биться сердце большого друга нашей страны Луи Арагона. Поэт и боец, он в мае 1982 года возглавлял двухсоттысячную армию марша сторонников мира во Франции.

С крупнейшим французским писателем, политическим деятелем и старейшим членом ЦК Коммунистической партии Франции Луи Арагоном я познакомился в 1954 году в Москве, в дни Второго съезда Союза писателей СССР. С того памятного времени у меня осталась фотография, где мы вместе сняты в кулуарах Колонного зала Дома Союзов. Второй раз встретиться с ним мне довелось двадцать семь лет спустя, когда я приехал в Париж для работы над книгой «Встречи с земляками».

терий вырастает до норм социального идеала. Советская литература всегда развивала эти высокие идеи, идеи братства и дружбы народов. Поэтому, поднимая бокал за Советский Союз, я пью и за моих друзей, советских писателей.

Эта наша беседа проходила в квартире маститого писателя. Он жил в доме № 58 по улице Варены. Старинное трехэтажное здание было одето в строительные леса. Всех жильцов, кроме Арагона, из дома выселили. После ремонта здание займет Совет Министров. Когда мы вошли в дом и поднялись на второй этаж, то заметили, что вдоль более крутой лестницы, ведущей на третий этаж, тянутся вывесы два рельса, на которых удобно приспособлено небольшое кресло. Нам пояснили, что короткий, но крутой подъем на третий этаж Арагон преодолевает, сидя в кресле, которое приводится в движение нажатием кнопки. Домохозяйка Мария встретила нас радостной улыбкой.

Коридор квартиры писателя заставлен был шкафами, стеллажами. Свободные пространства заклеены плакатами, рисунками, дружескими шаржами. Вот плакат: во весь рост стоит поэт революции Маяковский во время выступления. Неподалеку — величественная панорама Москвы, красочная афиша «Москва — Олимпиада-80».

В шкафах — тома классиков русской литературы: Л. Толстого, Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Тургенева, Чехова, Маяковского. С суперобложки книги о Качалове смотрит на нас великий русский артист. Рядом на полке — небольшая книжечка «Долгая песня Армении» — обстоятельный очерк Арагона об армянской поэзии. Тут же я заметил его рукопись поэмы «Красный плакат» о герое французского движения Сопротивления Мисаке Манушяне. Видя, с каким интересом я разглядываю рукопись, Луи Арагон промолвил:

— Потрясенные страданиями армянского народа, многие интеллигенты Франции пролили немало чернил, чтобы содействовать его освобождению. Армянский же народ вместо чернил пролил свою кровь за свободу Франции. Никогда не забуду, как в годы войны во всех уголках Франции были расклеены на стенах огромные объявления, извещающие о расстреле бойцов «Интернациональной группы». Их командиром был армянин — Манушян... В провинциальной глуши чья-то неизвестная рука на одном из таких объявлений начертила: «Они пали за Францию». Мы не сможем забыть участие армянского народа в освобождении нашей родины.

У одной из дверей Луи Арагон достал из кармана ключ и, открыв комнату, пригласил нас войти.

— С тех пор, как не стало подруги моей жизни Эльзы Триоле, я редко кому открываю эту дверь. Все вещи

лежат на своих местах, как было при Эльзе. Изредка я заглядываю сюда, мысленно перелистывая страницы нашей счастливой совместной жизни, и думаю о важности духовного родства между супругами. Когда я остался один, среди моих друзей нашлись чудачки, которые стали меня сватать. В мои-то годы жениться?.. Разве нашлась бы другая Эльза?

Наступило молчание. Арагон погрузился в свои думы.

— И все-таки жизнь хороша, — совсем другим тоном произнес наконец он. — Живые должны заниматься жизнью.

— Не знаю почему, но мне пришли на память ваши слова: «Женщины являются жемчужиной жизни», — заметил я.

— То, что написал когда-то, я мог бы повторить и сейчас.

Мы вошли в залитый солнцем обширный кабинет писателя.

Я спросил его о возможности поездки писателя в Советский Союз.

— Если состояние здоровья улучшится, обязательно воспользуюсь приглашением.

— В программу поездки прошу вас включить и Армению. Я сам приеду за вами в Москву.

— Спасибо, добрый друг, несколько не сомневаюсь в искренности ваших слов.

На вопрос, с кем из армянских писателей он был знаком, Луи Арагон ответил:

— С Исаакяном, с прекрасным поэтом и человеком. Он ведь до возвращения на родину, в Советскую Армению, долгие годы жил в Париже.

Задумавшись и как бы перебирая в памяти события давних лет, Арагон остановил свой взгляд на фотографии Эльзы Триоле, а потом продолжал:

— В 1936 году Эльза Триоле и я поехали навестить Горького, по его приглашению. Он умирал. И только по дороге к нему мы узнали, что тот, которого мы собирались навестить, уже умер. Годы спустя, в 1957 году, приехав в Москву, я узнаю о смерти крупнейшего поэта этого столетия Аветика Исаакяна, которому мне хотелось лично передать сердечный привет, а через него — всей прогнившей поэзии Армении.

Чело нашего века носит печать нескольких светлых имен поэтов. В Англии это Киплинг, во Франции — Аполлинер и Элюар, в Германии — Рильке, в Испании — Гарсия Лорка, в России — Маяковский и Есенин, в Армении — Чаренц и Исаакян. Всякий раз, когда один из этих современников угасал, казалось, что в мире становится темней. Но все то, что оставляли они за собой, не было тенью, а было пламенем. Исаакяна не стало, но остался «Абул Ала Марари» и «Мгер из Сасуна». И так же, как века не смогли стереть образ Мгера, «кото-

рый любил бедных», так же, как тысячелетия спустя в голосе Исаакяна вновь послышалось дыхание Мгера, так же и смерть Аветика Исаакяна не властна омрачить живой луч света его поэзии, который будет вечно согревать не только сердца армян, но и озарять неугасимым светом лучшие мечты человечества.

Никогда не были так нужны нам его пламенные слова о свободе, которую он воспевал еще полвека тому назад: «Ты — свобода, бессмертный, святой Аль Коран, соловьем что в раю распекает в тиши!».

Теперь нам, оставшимся в живых, предстоит высоко поднять его факел. Пусть через произведение ушедшего от нас Исаакяна везде и всюду веет аромат розового сада многовековой армянской поэзии, пусть все познают страдания, гуманное величие и славу этого народа.

Показав на каталог выставки Мартироса Сарьяна, которая была тепло принята парижанами, он добавил:

— К сожалению, с этим оригинальным колористом, мастером живописи, я встретился лишь однажды, и то мельком.

— Ваша литература представлена в разных жанрах, — сказал я. — Стихи, проза, критические обзоры и статьи, вышедшие из-под вашего пера, одинаково волнуют читателя. Но какой жанр больше любим вами?

— Для меня важна и одинаково дорога любая форма литературного творчества, лишь бы она была высокохудожественной и отвечала идеалам свободолюбивого человечества. В моем восприятии литература неотделима от борьбы против врагов трудового человека — создателя всех ценностей на земле. В этой беспощадной борьбе писатель должен быть в авангарде и владеть своим острым пером, как оружием. Вы спрашиваете, работаю ли я в свои восемьдесят пять лет? Помните, Ашот, сказанные когда-то мною слова: «Я живу — значит, работаю. Иначе биологическое существование бессмысленно».

— А как вы расцениваете современную поэзию Франции?

— Французская поэзия наших дней существенно отличается от поэзии столетней давности. Не утихают споры между традиционной, классической и экспериментальной — новаторской поэзией. Поэзия достигает своей цели, когда проповедует любовь к жизни словами емкими, искрящимися всеми красками радуги. Она должна зажигать души людей, вселять уверенность, надежду. Сегодняшняя поэзия в поисках новых форм находится на распутье и порой не задевает душу читателя. Почему же это происходит? Потому, что некоторые, даже талантливые молодые поэты не усвоили простой истины: любая форма и стиль имеют право на жизнь, если они несут читателю хотя бы крупицу своей неповторимости и оптимизма. Поэзия должна постоянно ощущать реальную жизнь народа, воспевать его идеалы и воспитывать патристические чувства. Тогда любая словесная ткань стиха, любые акценты для меня приемлемы.

В конце сороковых годов я познакомился со вторым сборником стихов тогда еще молодого поэта — коммуниста Рубена Мелика. Стихи его покорили меня свежестью мысли, глубиной философских суждений. Я написал тогда похвальный рецензию. Поэтическая лира Рубена Мелика с годами мужала. С тех пор многие его произведения увидели свет. Он стал одним из оригинальных, талантливых поэтов Франции.

После некоторой паузы Луи Арагон продолжал:

— Несколько лет назад Рубен Мелик прочитал мне строки из поэмы Паруйра Севака «Неумолкающая колокольня» в переводе на французский. Я не знаком с творчеством этого поэта. Но и в том, что я услышал, угадывалась беспокойная, хлопочущая душа яркого дарования.

Говорили о многом. Обменялись своими книгами. На книгу «Коммунисты» Арагон написал мне поэтический экспромт, а я подарил ему свою последнюю книгу очерков — «Арапат — бесподобен».

Париж — Ереван